

“БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ”: В ПОИСКАХ СОВЕРШЕНСТВА

© 2005 Г.И. Щербакова

Тольяттинский государственный университет

Формирование структуры журнала как типа издания шло непросто: от хаотичного набора материалов русские журналы не сразу перешли к рубрикации, постоянной последовательности и устойчивому объему каждого из отделов. В этом смысле “Библиотека для чтения” довела до эталонного совершенства все профессиональные открытия в сфере искусства “журнального редактирования”, как это называлось тогда, учтя опыт как русской журналистики, так и внимательно изучив опыт европейских журналов.

Очень важно было начало журнала, а именно: какие материалы открывают номер. Большинство журналов той поры начинались отделом словесности, так как именно литература стала универсальным средством и способом разговора о жизни и обществе. Только “Телескоп” начинал номер, как правило, научной статьей философского или исторического содержания. “Отечественные записки”, под редакцией Краевского, тоже вначале пытались отойти от традиции ставить беллетристику “на открытие” и первое время в начале журнала расположили отдел “Современная хроника России”, но затем, вероятно, не без влияния Белинского, перенесли его вглубь журнала, выдвинув вперед ту же самую беллетристику.

В журнале Сенковского беллетристика занимала первые позиции, номер открывался отделом русской словесности, затем располагался отдел иностранной словесности. Такой порядок отражал преимущественный интерес небольшой по численности российской читательской аудитории к литературе, которая, однако, воспринималась как развлечение, как досуг, но отнюдь не как серьезная внутренняя работа. “Повести, повести, все требуют повестей”, — писал о таком положении дел на читательском рынке Белинский в статье “О русской повести и повестях г. Гоголя”. Однако, несмотря на почетное первое место, словесность не играла ведущей роли в общем содержании журнала Сенковского. На это

обратили внимание многие современники, например, А. Дружинин и П. Савельев, об этом писал с упреком и Белинский, полагая, что такое положение дел вызвано нехваткой эстетического чувства у редактора. На наш взгляд, отношение Сенковского к отделу словесности постепенно изменялось. На первых порах, в 1834 и 1835 гг. редактор “Библиотеки для чтения” действовал вполне в русле сложившейся традиции и старался привлечь в журнал “первостатейных” литераторов, и это ему удалось. Не зря “Библиотека” гордо заявляла, что ей удалось собрать под своей обложкой лучших современных писателей. Приведем данные по первым двум годам издания: почти в каждом номере вплоть до осени 1835 г. печатался А. С. Пушкин. Здесь были опубликованы “Пиковая дама”, три сказки: “О золотой рыбке”, “О золотом петушке”, “О мертвой царевне и семи богатырях”, отрывки из “Медного всадника”, “Песни западных славян”, “Кирджали”, более двадцати пяти лирических произведений, среди которых такие шедевры, как “Элегия” и “Красавица”. Здесь же Пушкин опубликовал два найденных им исторических документа, относившихся к пугачевскому бунту. Эта публикация играла серьезную роль в последующих издательских планах Пушкина, она не просто отражала один из эпизодов творческого процесса поэта, но и готовила общественное мнение к знакомству с трудом Пушкина в совершенно новой сфере — в документальной прозе. Напомним, что при всем безусловном признании гения Пушкина в поэзии, его обращение к прозе не получило однозначного одобрения. Критика писала об упадке дарования (Полевой, Надеждин); даже Белинский в ранний период своей критической деятельности не был готов оценить те перемены, которые произошли в мировоззрении и художественном методе поэта, все более стремительно опережавшем сознание современников. Зная о том, какой авторитет “Библиотека для чтения” имеет у публики, Пушкин счел правиль-

ным использовать журнал для того, чтобы заранее подогреть читательский интерес.

По объему и числу публикаций Пушкин стоял на первом месте в “Библиотеке для чтения” в первые два года издания. В поэтическом подотделе “Русской словесности” с большим отрывом от него шли И. Козлов, весьма популярный тогда поэт-романтик, и А. Тимофеев, число публикаций которого начало увеличиваться лишь после того, как Пушкин перестал печататься в журнале. Из открытий этого журнала можно упомянуть П. Ершова, чья сказка “Конек-горбунок” была впервые напечатана именно в “Библиотеке”, кроме нее Ершов напечатал у Сенковского еще такие произведения, как “Прощание с Петербургом” и “Сибирский казак”. Всего же за первые пять лет издания, т. е. тот период, когда еще продолжалась поэтическая эра, в журнале были опубликованы стихи пятидесяти трех поэтов, включая вышеназванных, однако большинство так и остались авторами одного, редко двух произведений. В прозаическом подотделе “Русской словесности” по числу публикаций в 1830-е годы абсолютно лидировал Барон Брамбеус, то есть Сенковский, под другими псевдонимами (11 наименований). Затем по числу публикаций шли В. Ф. Одоевский (4), М. Загоскин (4), А. Марлинский (4), А. Пушкин (3). За 1830-е годы число авторов, печатавшихся в этом отделе, превысило пятьдесят. Но при этом из названных выше авторов после открытия “Современника” сотрудничество продолжил лишь Загоскин, который весьма редко печатался, т. к. должность директора Малого театра и прочие занятия по государственной службе оставляли мало времени для творчества. Вторым писателем, продолжившим сотрудничество, был Марлинский, который, однако, вскоре погиб на Кавказе. Таким образом, получается, что из 50 авторов огромную долю составляли те, кто печатали в “Библиотеке для чтения” не более одного-двух произведений и не имел большого значения в русской литературе. В журнале не сложилось постоянного авторского коллектива. Это обстоятельство не следует толковать исключительно как следствие чрезмерной редакторской правки Сенковского, о которой ходило столько легенд. До второй половины сороковых годов, когда Белинскому удалось воспитать при “Отечественных записках” целую литературную школу, в таких обстоятельствах находились почти все журналы. Сенковский под давлением объективных обстоятельств, с одной стороны, и следуя собственным влечениям, в другой стороны, изменяет центр тяжести в журнале, не меняя его структуры. Беллетристика постепенно перестает играть ведущую роль в “Библиотеке”, исполняя функции своеобразной прелюдии к

смысловой доминанте, роль которой стали исполнять отделы “Науки и искусства”, “Критика” и “Промышленность и сельское хозяйство”. Именно этот этап в эволюции журнала запомнился многим современникам как самый соответствующий замыслу редактора и отвечающий тому типу журнала, к воплощению которого стремился Сенковский.

Уже в первые годы издания “Библиотеки” Сенковский стремился сочетать в отделе словесности как художественные произведения, так и документальную прозу. Это были путевые заметки, мемуары, биографии выдающихся людей, истории военных кампаний. Такие материалы вначале появлялись нерегулярно, но со временем они стали занимать до трети объема отдела русской словесности. Возьмем для примера том V, за август-сентябрь 1834; первый отдел почти полностью состоит из художественных произведений. Здесь опубликованы стихи Пушкина, Тимофеева и менее известных авторов, из прозы — повести Сенковского, Шидловского (члена Петербургского цензурного комитета), мемуары о екатерининской поре — то есть преимущественно художественные произведения. А вот во втором отделе помещены более разнокалиберные материалы: здесь три критические статьи, одна публицистическая и еще три перевода с английского приключенческих повестей. Также обращает на себя внимание, что редактор старается комплектовать внутри тома, сшивавшегося из двух номеров, перекликающиеся между собой материалы. Например, в августовском номере печатается статья французского ученого Низара о латинской словесности в первом веке, а в сентябрьском — ее разбор Сенковским, в восьмом номере — воспоминания о екатерининской эпохе, а в девятом — статья об одном из выдающихся политических деятелей той эпохи, графе Панине. Таким образом, можно отметить, что Сенковский сначала знакомил читателя с неким предметом, а потом формировал к нему отношение.

Интересно содержание и композиция следующего, шестого тома за тот же год. Он не показывает заметных изменений в жанровом наполнении первого и второго отделов. Стоит отметить, однако, редакторское мастерство в построении первого отдела. Три стихотворения посвящены открытию памятника императору Александру I. Они имеют актуальный, но официальный характер и явно вызваны конкретным событием, на которое нельзя было не отозваться. Сенковский не был приверженцем ура-патриотических настроений, вот почему он эмоционально уравновешивает их содержанием прозаического подотдела, где из опубликованных материалов только один — “Местные пословицы” — от-

носителем корреспондирует с патриотическим пафосом трех стихотворений. А повесть Сенковского “Висящий гость”, написанная в ерническо-саркастической манере, хотя и выбивается из контекста, еще более помогает редактору избежать чрезмерной пафосности. Второй отдел совершенно не может подтвердить стереотип о легковесности содержания в “Библиотеке для чтения”. Собственно беллетристической может считаться только повесть Ситникова “Два мужа”, по всей вероятности являющаяся компиляцией нескольких источников; интересно, что редакция не сочла нужным даже указать зарубежные источники, как это делалось обычно. Действие происходит в современной Франции; героями являются две супружеские пары, представляющие разное отношение к проблеме семейных взаимоотношений и два разных подхода к назначению женщины в семье. При всех незначительных художественных достоинствах этого произведения, его тема — предмет постоянного интереса редакции, в каждом номере, в той или иной форме редактор вел непрерывающийся разговор со своей аудиторией о положении женщины в обществе. Остальные материалы носят просветительский характер. В одном рассматриваются причины, вызвавшие ажиотаж вокруг имени молодого английского писателя Эджертон, который последующими произведениями вызвал разочарование и публики, и критики. При более вдумчивом рассмотрении можно заметить, что хотя этот критический этюд полностью построен на материале иностранной словесности, он перекликается с отделом критики, где дается довольно суровый и непредубежденный разбор нового произведения Н. Кукольника. Тем самым читателю предоставляется возможность сделать вывод о том, что мгновенная вспышка известности не всегда оборачивается устойчивым литературным признанием. В другом материале дается довольно шуточный рассказ о судьбах и творчестве китайских женщин-поэтов. Обращение к этой теме отражает устойчивый интерес “Библиотеки для чтения” к женскому творчеству. Два других произведения можно отнести к общей проблематике издания: изучению столкновения европейской цивилизации и патриархальных культур. Она вполне вписывалась в макроконтент журнала, который постоянно обращался к ней на всем протяжении редакторства Сенковского, что было обусловлено его научной специализацией.

Далее мы приведем содержание только осенних томов за 1836 и 1837 годы, этот период нами выбран потому, что в период подписки редакторы старались дать содержание, позволяющее судить о направлении журнала в будущем году. Мы

полагаем, что их можно рассматривать как своеобразный указатель для ориентирования будущей аудиторией.

Очередной осенний номер за 1837 год показывает устойчивость тематических приоритетов редактора в сфере науки, культуры и промышленности. Во-первых, видно заинтересованное внимание к экономическим аспектам европейской политики, беспокойство о том, как будет вписываться в этот контекст набирающая обороты российская экономика и промышленность. Во-вторых, внимание ко всем сторонам жизни Великобритании: в каждом номере в той или иной форме уделялось внимание этой стране: ее науке, промышленности, политическому устройству, журналистике и другим сторонам жизненного уклада. В-третьих, постоянное присутствие исторической тематики: будь то в форме романа, повести или исторического трактата либо критической статьи. В-четвертых, это постоянное внимание теме Востока. Одновременно становятся различимыми некоторые перемены в редакционном курсе. Очевидно снижение качества публикаций в поэтическом подотделе — здесь нет поэтов первой величины, что объясняется их переходом в “Современник”. Зато Сенковский стремится к тематическому разнообразию поэтического материала. В прозе все заметнее преобладает документальная проза или повести, сочетающие критическое изображение человеческих качеств с забавной или юмористической манерой повествования. Нельзя сказать, что характеры в произведениях, помещаемых Сенковским на страницах “Библиотеки для чтения”, были социально детерминированы, но уже заметно движение к этому главному принципу реализма. Примером чего является повесть Рахманного “Кокетка”. Второй отдел этого тома строго симметричен: вначале переводная повесть, затем — путевые записки. Таким образом, получается, что из восьми прозаических материалов, помещенных в отделах словесности, только три носят художественный характер, еще один — популярный пересказ античных источников — не имеет самостоятельного художественного значения, и четыре остальных — это документальная проза. Итак, мы видим, что сходные процессы, еще более интенсивные, стали происходить в отделе иностранной словесности, где процент документальных материалов, в число которых попадали и публицистика, и даже критика, постоянно рос. Это приводило к тому, что отделы словесности становились своеобразным прологом к следующему: “Науки и искусства”. Эта тенденция будет продолжена и впоследствии. Читательское сознание незаметно подготавливалось к восприятию более сложной информации.

Такая практика отвечала теоретическим взглядам Сенковского на то, что такое литература и какое место в ней занимает изящная словесность. Сошлемся на его размышления в статье “Брамбеус и юная словесность”¹. Она была написана, чтобы выполнить сразу две задачи: дать отпор критике “Телескопа”, обвинившей журнал Сенковского в пропаганде французского романтизма, что было равнозначно обвинению в пропаганде революции; второй задачей была декларация собственных взглядов на литературу и журналистику. “Литературой называем мы, — пишет Сенковский, — всю массу книг, напечатанных на каком-нибудь языке, и она разделяется на столько же отраслей, сколько есть частей человеческого знания. Имя изящной словесности в тесном смысле слова принадлежит одним плодам воображения или, попросту, сочинениям, служащим к легкому и приятному чтению. Стихотворения, поэмы, романы, повести, рассказы — всяческого рода сатирические и описательные творения, назначенные к мимолетному наслаждению образованного человека — вот область словесности и ее настоящие границы”. Вот такой рационалистический взгляд на литературу был источником кардинального расхождения Сенковского и большинства русских литераторов, исповедовавших аксиому “Поэт в России — больше чем поэт”. Сенковский искренно не признавал познавательных функций литературы и не особо верил в воспитательные, отдавая предпочтение релаксирующим. Впрочем, по его мнению, литература может подготавливать сознание к принятию некоторых сложных идей. Вот почему он рассматривал беллетристику как пролог к более содержательному чтению. Впрочем, ему не всегда удавалось следовать своим принципам, причиной этого была конкретная журнальная ситуация.

Мы уже отметили, как сказались на журнале Сенковского появление пушкинского “Современника”. Теперь рассмотрим, произошли ли какие-нибудь перемены в структуре журнала в связи с основанием “Отечественных записок”. Общеизвестно, что Краевский был намерен положить предел единовластному господству “Библиотеки” в журналистике, что он собирал литераторов именно под знамена борьбы с “торговым направлением”. Если появление “Современника” “Библиотека” встретила предупредительной статьей, то в данном случае Сенковский предпочел промолчать, не опубликовав статьи накануне, не выступив с оценкой первых номеров со-

перника. Новый журнал явился во всем великолепии: больший, чем у “Библиотеки”, объем, лучший состав авторов, большее число отделов, больший формат журнальной книжки. Он изначально повел себя более агрессивно по отношению к журнальному конкуренту. В отделе “Современная библиографическая хроника” первого номера был помещен обзор русской литературы в 1838 году. Его автор, В. Межевич, писал: “Что писать о журналах? Журналы, имеющие свое мнение, не отстанут от него — хоть из самолюбия; журналы, не имеющие никакого мнения, не стоят того, чтобы говорить о них: это нули, призраки литературные. Если вам угодно знать, есть ли издания, которые вполне бы удовлетворяли нашему понятию о том, чем должен быть теперь русский журнал, отвечаем — нет; потому что в противном случае мы не начали бы издавать “Отечественные записки”². В следующем, втором томе, появилась еще более резкая статья. Тот же автор проводит параллель между “Новосельем” и “Библиотекой” и утверждает, что журнал Сенковского — то же самое “Новоселье”, издаваемое двенадцать раз в год”. Развивая свою мысль он пишет: “Действительно, в 1834 году, в первый год бытия этого периодического издания, весь цвет русской литературы, все деятельнейшие русские писатели, вместе с Пушкиным, Жуковским и Крыловым, печатали в нем статьи свои, надеясь, что этот журнал будет простым сборником учено-литературных статей, но вскоре увидели, что в журнале господствует тон, мнения и мысли одного”. Далее Межевич предлагает читателям взглянуть на статью в “Современнике”, имея в виду гоголевскую статью “О движении журнальной литературы...”. Очевидно, опасаясь развивать далее эту тему, автор статьи ограничивается сноской, в которой дает следующее примечание к вышесказанному: “Известно, что нам нет никакого дела до других русских журналов, кроме нашего. Мы не судим, не браним их, предоставляя это похвальное занятие тем литературным промышленникам, которые, продав свое мнение какому-нибудь расчетливому литературному спекулянту, в журнальной драке видят единственное средство подняться на ноги”³. В данном случае Межевич метил в Н. Полевого, который, потеряв “Московский телеграф”, сначала стал печататься у Сенковского, а накануне описываемых событий перешел к Булгарину и Гречу, став редактором “Сына отече-

¹ Б/п. Брамбеус и юная словесность / Библиотека для чтения. — 1834. — Т. 3. — Отд. 1. — С. 36.

² Б/п. Русская литература в 1838 году // Отечественные записки. — 1839. — Т. I. — Отд. VII. — С. 6.

³ Б/п. Русская литература в 1838 году. // Отечественные записки. — 1839. — Т. II. — Отд. VII. — С. 4.

ства”. Задиристость Межевича была следствием общей редакционной задачи — отбить у “Библиотеки” значительную часть подписчиков. Она могла реализоваться в первую очередь через предложение нового содержания и формы его представления. Концепция издания всегда находит свое внешнее выражение в структуре. Перечень отделов “Отечественных записок” был почти одинаков с “Библиотекой”, за исключением отдела “Современная хроника России”, но значение имела и последовательность отделов. Именно новый отдел хроники был поставлен в начало. Тем самым редакция подчеркивала его значение и обращала внимание, что подобных материалов не печатает ни один из современных русских журналов. Приведем в пример содержание первого отдела “Отечественных записок”:

Современная хроника России.

Обзор нынешнего состояния разных частей государственного управления за первую половину 1838 года.

События в Отечестве: Народное просвещение — Благотворительность — Общественное здравие — Промышленность — Торговля — Кредитные постановления — Искусство.

Итак, наименование отделов по большей части было сходным с “Библиотекой”. Размещение на первом плане “Современной хроники” оказалось сильным тактическим ходом, призванным не только отличиться от журнала Сенковского, но и выбить монополию на политическую информацию у “Северной пчелы”. Журнал добился права на тематику, не разрешенную почти всем остальным периодическим изданиям. Возможность вести прямой разговор о современном состоянии России должна была привлечь к изданию внимание многих мыслящих читателей. Однако это было возможно только в том случае, если это будет честный разговор и полная, объективная информация. К тому же журнал не мог угнаться за газетой в оперативности, зато мог выиграть в аналитичности, в своеобразии трактовки предлагаемых новостей. Осуществить все это и не натолкнуться на цензурные требования, сказать правду об истинном положении дел и не войти в противоречие с официально провозглашенной доктриной процветания России было практически невозможно. Вот почему со временем отдел превратился в склад разной официальной, к тому же зачастую уже известной информации. Отдел науки был вторым по порядку, что отражало отношение к нему редакции. Издатели хотели заявить о себе как о просветителях, а также подчеркнуть роль науки и образования для такой молодой страны, как Россия. Эту линию потом постоянно будет проводить Белинский в своих статьях. Если сравнивать содержание двух

сходных по установкам отделов в “Библиотеке” и “Отечественных записках”, то становится очевидным значительное преобладание гуманитарной тематики в журнале Краевского, где преимущественно печатались статьи о философии, особенно в первые три-четыре года издания, много было статей исторического и филологического содержания, а вот естественные науки в целом были представлены слабо. Например, в первом номере в разделе науки были опубликованы следующие статьи: Э. Губера “О философии”, А. Жеребцова “Кадастр”, И. Сахарова “Материалы для истории России”. В журнале же Сенковского количество статей из области физики, астрономии, медицины и других негуманитарных направлений составляло почти половину от всех публикаций.

Отдел словесности первого номера “Отечественных записок” выгодно отличался от “Библиотеки”. В поэтическом разделе были опубликованы стихи Пушкина, Дельвига, Бенедиктова, Кольцова, Туманского и Лермонтова. Его “Дума” была справедливо воспринята как программа нового журнала. Вплоть до самой смерти все произведения поэта печатались только в “Отечественных записках”. В прозаическом разделе тоже были опубликованы замечательные произведения: повесть В. Ф. Одоевского “Княжна Зизи”. Многие воспринимали ее как своеобразное продолжение “Княжны Мими”, четыре-пять годами ранее опубликованной в “Библиотеке”. Был опубликован отрывок из неоконченного романа А. Марлинского, недавно погибшего на Кавказе. Заявил о своем постоянном сотрудничестве гр. В. Соллогуб “Историей двух калош”. Была также опубликована повесть М. Сервантеса “Сила крови”. Редакция “Отечественных записок” отказалась выделять в самостоятельные отделы русскую и иностранную словесность. Тем самым подчеркнув, что она будет строго придерживаться родовых признаков произведений.

По тому же, вероятно, признаку чистоты жанра традиционный отдел “Науки и искусства” был разделен на два самостоятельных. “Отечественные записки” как бы заявляли, что в России уже есть художественная жизнь, достойная стать предметом для рассмотрения целого журнального отдела. В название отдела, ставшего своеобразным ноу-хау “Библиотеки”, редакция “Отечественных записок” внесла свои коррективы, вынеся на первое место свою новинку — “Домоводство” и поменяв местами два следующих слова, тем самым как бы повысив значение сельского хозяйства для экономики России.

Принципиально отличался предмет рассмотрения в отделе критики у обоих журналов. Сен-

ковский допускал здесь анализ научных монографий наряду с литературными произведениями. В некоторые годы в отделе вообще не разбирались произведения художественной литературы, например, в 1837 году. В “Отечественных записках” критика высоко стояла при Белинском, утверждавшем, что критика — это душа журнала. Такое значение этого отдела было задумано еще Краевским, который специально искал для него критика, способного увлечь аудиторию, развивать ее эстетический вкус, тем самым возвышая ее духовно и интеллектуально. Как бы ни корили впоследствии Краевского за корыстолюбие, нужно отметить, что значение художественной литературы как инструмента духовного просвещения общества он понимал шире Сенковского. Следующий отдел “Современная библиографическая хроника” был аналогом “Литературной летописи”, хотя последнее название было более привлекательным для читателя, к тому же Сенковский часто экспериментировал с формой рецензий, “скрещивая” их то с драмой, то со сказкой. Форма рецензий в “Отечественных записках” была более традиционной, зато их содержание кипело таким богатством мысли и такой страстью, что читателю не приходилось думать об однообразии формы. Заключительным отделом в обоих журналах была “Смесь”.

Появление такого грозного соперника не могло не заставить Сенковского задуматься о том, как сохранить свои позиции. Структура его журнала остается прежней: то же число и тот же порядок отделов, но меняется наполнение отделов и несколько изменяется объем каждого из первых трех отделов. И в первом, и во втором томе за 1839 год в обоих отделах словесности представлены только художественные произведения, как в “Отечественных записках”. Однако разница в содержании бросается в глаза. В поэтическом отделе почти нет громких имен: даже Бенедиктов и Тимофеев в качестве популярных поэтов уступают Пушкину и Дельвигу, а имена остальных поэтов (Мейстера, Бабака, Е. Шаховой, Варвары М-вой, А. Ашика) вообще не были известны читателю. К тому же произошел конфуз со стихами В. Красова, которые были опубликованы в “Библиотеке” без ведома автора и с ошибочной подписью — Е. Бернет. Вокруг публикации поднялся литературный скандал. Бернет заявил, что ему данные стихи не принадлежат, объявился настоящий автор — В. Красов. В адрес Сенковского звучали обвинения в плагиате. В этой щекотливой ситуации ему пришлось в февральском номере печатать следующее объяснение, а точнее сказать, извинение: “Редакция “Библиотеки для чтения” получила в прошедшем году тетрадь прекрасных стихотворений без под-

писи. Удивительное сходство почерка с весьма знакомою ей рукой г. Бернета не позволили сомневаться, чтобы эти прелестные не были произведением его пера. Три из них были напечатаны в Январской книжке журнала, и редакция выставила под этими стихотворениями имя г. Бернета. Но г. Бернет торжественно отказывается от чести быть их автором. Тем лучше! Значит, мы имеем на Руси одним превосходным талантом больше. Жаль только, не знаем, кого надо благодарить за удовольствие, доставленное читателям этого журнала и нам, в особенности. Неизвестный поэт без сомнения долее не захочет скрывать своего имени, если это не противно его правилам. Для поощрения его к этому мы помещаем здесь пять остальных пьес тетради”⁴. В мартовском номере уже было обозначено имя поэта В. Красова под новыми произведениями. Вся эта история говорит о том, как нужны были Сенковскому новые интересные авторы, которых он мог бы противопоставить литературной гвардии “Отечественных записок”. То же самое мы можем наблюдать и в отделе прозы. Теперь там публикуются только чисто беллетристические произведения: в первом томе: исторический роман “Николай Сапега: Из польских летописей 17 века” малоизвестного Константинова и новое творение Н. Кукольника “Иван Рябов, рыбак архангелогородский”, а в “Иностранной словесности” повесть Бальзака о Кальдероне и слабенькая комедия “Сельский хозяин” принцессы Амалии Саксонской. Объем обоих отделов сократился. Если обычно объем отдела русской словесности составлял 220–240 страниц, а иностранной — 170–180, то в этом томе он составил соответственно 170 и 152 страницы. Зато почти в два раза вырос объем отдела “Науки и искусства”; вместо 120–140 страниц в этом томе он занял 266 страниц. Если учесть, что материалы этого отдела набирались меньшим кеглем, становится ясно, какой объем информации редакция предоставила читателю. Однако она была достаточно специфичной и требовала определенной осведомленности. Например, в двух номерах, январском и февральском, печаталась статья С. Куторги “Естественная история наливочных животных: Инфузории”, объем которой занял 162 страницы, что могло бы составить целую книгу. Два других материала этого отдела были посвящены исторической тематике: одна — римскому папе Григорию VII, другая — наукам и искусствам в древней Индии. Та же закономерность встречается в остальных номерах “Библиотеки” этого года, хотя там объем отделов словесности возвра-

⁴ Библиотека для чтения. 1839.— Т. I. — Отд. I. — С. 18.

щается к прежним размерам. Из этих наблюдений можно сделать вывод, что журнальная борьба вносила существенные коррективы в концепцию издания. Каждому из соперников приходилось учитывать опыт своего конкурента и использовать его открытия. Вначале так поступили “Отечественные записки”, в полной мере воспроизведшие модель энциклопедического массового журнала, впервые представленную в “Московском телеграфе” и усовершенствованную Сенковским. Затем “Библиотеке” пришлось ориентироваться на стандарты, привнесенные журналом Краевского. В ответ Сенковский, который был искренним сторонником развития в России научно-популярной журналистики, увеличил объем научного отдела и при любой возможности вводил эту тематику в отдел критики и “Смесь”.

Если рассматривать структуру журнала “Библиотека для чтения” как подобие композиции литературного произведения, то первые два отдела можно сравнить с завязкой и перипетиями, три центральных — с кульминацией, а два последних — “Литературная летопись” и “Смесь” — представляли дополнительные акценты, проясняли нюансы, а также выполняли функцию релаксации, иногда шутками или смешными аналогиями гася чувство возможной тревоги и недоумения, неприятные большинству не привыкших рефлексировать читателей.

Структура журнала была постоянной на всем протяжении редакторства (фактического или номинального) Сенковского. Ни перечень отделов или их наименование, ни их порядок при первом редакторе никогда не менялись, это было его святое правило — уважение к читательской привычке. Однако наполнение отделов и, как было уже сказано, степень их важности в реализации концепции менялись в зависимости как от ситуации внутри русского общества, так и от политики верхов. Например, Сенковский относительно строго выдерживал параметры размеров отделов внутри журнала и шрифт, которым набирались материалы каждого из отделов. Отделы русской и иностранной словесности и критики набирались более крупным кеглем, а остальные четыре — более мелким. Также постоянно примерно одинаковым был объем каждого из отделов. Отдел русской словесности занимал примерно 120 страниц, из них строго 16 страниц из номера в номер занимал подотдел поэзии. Так продолжалось вплоть до 1845 года, когда отдел поэзии стал сходиться на нет и в 1845 году полностью стал прозаическим. Сходные процессы в эти же годы шли и в других журналах, что было вызвано тенденциями развития русской литературы и ее тяготением к прозе. В подобных случаях Сен-

ковский не шел наперекор велениям времени, но во всех остальных он берег структуру журнала от неоправданных экспериментов. Только Дружинину как новому редактору “Библиотека для чтения”, действовавшему в новых исторических условиях, пришлось изменить привычную структуру, стремясь сильнее подчеркнуть центральные идеи номера, и ввести отдел “Современного обозрения”, без которого было невозможно выпускать периодическое издание накануне крестьянской реформы.

“Библиотека для чтения” стала идеальным воплощением типа толстого энциклопедического массового журнала, который функционировал в русской журналистике почти на протяжении целого века: с 1820-х гг. до революции 1917 г. Затем стал востребован другой тип журналов, и это было естественным следствием изменения общественно-политических, экономических и культурных условий, изменился и сам тип общества. Возвращаясь к типу энциклопедического журнала, хотелось бы отметить, что его структура была сходной вне зависимости от идеологической или философско-эстетической направленности издания, что подтверждает ее анализ на примере разных наименований журналов. Эта структура как бы отражала многообразие самой жизни, в ней была представлена тяга человека к искусству как воплощению духовных исканий и эмоционального мира человека, научный отдел отражал стремление человека к познанию нового, также были отделы, где читатель мог реализовать свою социальную функцию через чтение публицистических или критических статей, он мог также получать необходимые советы в решении насущных бытовых вопросов. Однако эта структура не была мертвой конструкцией. У разных редакторов и в разные времена она как бы пульсировала, то сжимаясь, то расширяясь. Вся первая половина XIX века, когда постоянная структура журнала установилась как обязательное свойство периодического издания, демонстрирует постоянное расширение числа отделов: в “Вестнике Европы” их было 8, в “Московском телеграфе” — 6, в “Библиотеке для чтения” — 7, в “Отечественных записках” — 8, в “Современнике” при Белинском и Некрасове — 5.

Известно, что в 1859 г. редакция “Современника”, ведущими фигурами которой были Некрасов, Чернышевский и Добролюбов, отказалась от прежней структуры и ввела новшество — все содержание журнала было разделено на два основных отдела: “Словесность. Науки. Художества” и “Критика и библиография”, что давало возможность сильнее целенаправить содержание номера на основные общественно значимые проблемы. Отказ от дробности содержания должен

был содействовать концентрации материалов и усилению их внутритекстовых связей, прояснению той сверхидеи, которую редактор хотел передать своей публике.

Второй раз Некрасов предпринял подобное изменение структуры, когда взял в аренду у Краевского “Отечественные записки” и сформировал свою редколлегия. В жизни русского общества этот период был таким же напряженным и важным, как и шестидесятые годы. Идеи народничества все шире распространялись, наряду с хождением в народ вызревала доктрина революционного терроризма, все более усиливался раскол между властной верхушкой и обществом, ожидающим продолжения либеральных реформ. Проблемы, волновавшие общество, сконцентрировались в несколько животрепещущих вопросов, вот почему Некрасов почувствовал актуальность сжатия журнальной структуры до двух отделов. И наоборот, когда момент исторически важного выбора еще не настал, когда еще не вызрела некая жизненно важная проблема, когда в обществе шли процессы дифференциации и каждая социальная группа сосредотачивалась на своих собственных задачах, не особенно задумываясь о судьбах государства, тогда журналу важно было предложить каждой из этих групп интересное именно ей содержание. В такие периоды число отделов обычно увеличивается, а структура становится более дробной, и тогда очень важно для редакции, подчеркнута показывающей каждой из социальных групп свое внимание к ее запросам, не нарушить признаки своего типа, выдержать редакционную линию при всем разнообразии содержания. Не всем журналам это удавалось, опасность аморфности была слишком большой, и это одна из причин, по которым в конце XIX века толстые журналы стали терять популярность у читатель-

ской аудитории, постепенно уступая место изданиям более специализированным, более нацеленным на определенную социальную группу. Примером изданий с большой дробностью отделов был “Вестник Европы”. Особенно сильно Стасюлевич расширял рубрикацию критико-библиографического отдела, выделяя разные тематические группы, более интересные для того или иного сектора публики.

Еще более заметен этот процесс был в “Русской мысли” при редакторстве В. Гольцева, который увеличил число рубрик в библиографическом отделе, учитывая возросшую аудиторию. Этот исторический экскурс показывает, что любой редактор, моделируя свою аудиторию, мысленно выделяет в ней разные группы, для которых в большей степени, чем для других, предназначает содержание разных отделов, что не отменяет и того, что содержание целого номера ей будет небезынтересно. В такой возможности гибкого лавирования между общим и частью крылось преимущество журнала перед книгой, о котором так много рассуждали в 1830-е годы, в том числе Белинский. В 1830-е годы именно Сенковский достиг идеального баланса в сочетании расчета на очень большой класс публики и ее целевого сегментирования по отделам. Он почувствовал, что преимущественные интересы к тому или другому кругу чтения еще не осознаны в публике, что разные социальные группы еще не сильно отделились друг от друга, что у них пока много общего, но тенденцию к дифференциации он уже почувствовал и отдал ей должное в большей специализации отделов. Однако он не ставил высоких перегородок между отделами ни в виде особой лексики, ни в серьезном усложнении стиля повествования, а наоборот, налаживал смысловые связи между материалами разных отделов, стремясь к целостности впечатления.